

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Биография моя многообразна, как и долгая жизнь, прожитая в 6-и различных странах в трудный и тревожный период истории, между двумя мировыми войнами, двумя революциями (в России и в Румынии), двумя эмиграциями (в 1944 году из Бессарабии в Румынию и в 1964 г. из Бухареста в Америку: в США и в Канаду).

Родилась я в г. Болград 20-го октября (по старому стилю) 1906 года, в доме моей бабушки с материнской стороны, Е. П. Юркевич, т.к. отец мой Христофор Яковлевич Булавицкий в это время заканчивал медицинский факультет Одесского Новороссийского Университета. Мать моя, Надежда Александровна Булавицкая, урожденная Юркевич, из педагогической семьи и сама педагог, окончила с медалью, первой ученицей, измаильскую казенную гимназию и год педагогических курсов. Отец блестяще окончил, на круглое 5, университет, специализируясь по хирургии и был оставлен при кафедре известного хирурга, профессора Батуева, который готовил его себе в преемники.

Несмотря на такую многообещающую перспективу и уговоры профессора Батуева, отец, будучи человеком долга, гуманистом и "свободомыслящим", как тогда называли чистых идеалистов, уехал с семьей в Сибирь, в Нарымский край, где в селе Киштовка больница давно не имела врача. В это время мне было около двух лет. Я была крепким, здоровым ребенком, но суровый сибирский климат надломил мое здоровье, я заболела крупозным воспалением легких, с осложнениями, последствий которых мне не удалось изжить никогда. Из-за этого отец мой вынужден был поспешно возвратиться в Европу и устроиться в подходящем для меня климате - в Бессарабии. В 1909 году он был назначен ординатором хирургического отделения военного лазарета бендерской крепости. С тех пор мой родной дом был в Бендерах, пока исторические события не заставили меня покинуть его, по всей вероятности, навсегда. Росла я в дружной, любящей и благополучной семье, вместе с моей старшей, единственной сестрой погодкой Людмилой, с которой была очень дружна и не расставалась и в студенческие годы в Париже. В начальную школу мы с сестрой не ходили, мама готовила нас дома для поступления в 1-й класс гимназии, куда я поступила на основании вступительных экзаменов в 1917-м году, и успешно закончила среднее образование в 1925-м г. Одновременно брала уроки музыки (рояль). Начиная с 1921-го года и до 1925-го я стала учиться рисованию и живописи у талантливой художницы Ольги Е. Штрик, окончившей петроградскую Школу Общества Поощрения Художеств. Эти уроки увлекали меня и доставляли мне огромную радость. Моя учительница первая отметила у меня особенное чувство красок и предвидела, что мое будущее - искусство. С самого раннего возраста у меня проявилась восторженная любовь к прекрасному и страсть к цветам (еще по дороге в Сибирь). Родители предполагали в будущем дать мне художественное образование в московской Высшей Школе. Но послевоенные события изменили все и я была послана учиться искусству во Францию.

В моей юности большое и благотворное влияние на мое интеллектуальное и художественное развитие оказала младшая сестра моей матери, Елена Александровна Жекова. В начале революции она приехала к нам из Петрограда, где окончила университет по биологическому и географическому факультетам, а также курсы гигиены д-ра Волковой. Широко образованная, блестящий педагог, эстет и художник-любитель с большим художественным чутьём, она посвятила годы жизни моему здоровью и воспитанию. Она же выбрала для меня педагога-художницу Ольгу Е. Штрик, к сожалению рано умершую.

В 1927 году я поступила в Париже в частную школу профессора Е. Бидаль, чтобы подготовиться к конкурсному экзамену для поступления в парижскую Национальную Высшую Школу Декоративных Искусств, признанную Сорбонной, куда, после конкурсного экзамена принимают и по сей день только 25 человек.

В 1929 году я выдержала конкурсный экзамен и поступила в Высшую Школу. В том же году я получила румынскую государственную стипендию на двухлетний срок учения в Париже. В свободное от занятий время я посещала музеи, выставки и картинные галереи, а также концерты, оперу и театры. Культурная жизнь города-светоча была сказочно богата и, помимо всего чисто-парижского, с его памятниками архитектуры и старины, там-же в те годы блистало, в лице своих самых знаменитых представителей, русское искусство, привезенное эмиграцией и очаровавшее Европу своими талантами.

Кроме регулярных школьных занятий до 5-и часов вечера, я часто ходила с коллегами делать эскизы в "Академию Гранд Шомьер", а дома исполняла ежедневные задания по декоративной композиции, которую нам преподавали три профессора: Эрик Баг, Буаньяр и Шадель. Обязательно также было готовить "этюды растений", по которым я все годы получала отличия, таблицы по анатомии и перспективе. По этим дисциплинам я также имела отличия. Мои занятия в школе шли успешно: профессора показывали мои работы в других классах и в один голос одобряли богатство красок в моих композициях, задерживая их для публичных школьных выставок, для которых они отбирали работы, получившие высшую оценку. Отличившихся студентов директор приглашал к себе, любезно беседовал с ними, выражал им свое одобрение, угощал кофе и лакомствами, дарил книги. У меня до сего дня хранится книга "Художники и мыслители", полученная мною от старого директора г-на Коиба, которого сменил на этом посту профессор Истории Искусств Дезэр, прекрасный педагог и гуманный человек. Впрочем, этим качеством отличались все наши профессора и большинство коллег, о которых я навсегда сохранила добрую память.

В 1931 году меня постигло большое горе: я потеряла горячо любимую, молодую мать и, вскоре после этого, со мной произошло два несчастных случая: на меня налетел автомобиль и раздавил мне ногу, а отравление газом сильно повредило сердце. Сочувствие и внимание профессоров и моих французских и русских коллег (среди русских были: Марина Скрябина, дочь композитора, Ольга Родзянко, Александра Авксентьева и др.) останутся незабываемыми. С некоторыми из бывших моих коллег я встретилась в Америке много лет спустя.

В 1932 г. я окончила Высшую Школу в Париже и возвратилась домой, в Бессарабию. Министр просвещения Румынии, профессор В. Маджару, предложил мне должность профессора Декоративных Искусств в Бухарестской Академии Художеств. Но я, с сожалением, отклонила это лестное предложение, т.к. решила остаться с отцом, зная, что вместе нам будет легче пережить наше большое горе, и попросила назначения на педагогическую работу в Бендеры. В 1932 г. я была назначена на кафедру рисования в Бендерскую Высшую Коммерческую Школу. В 1933 г. я вышла замуж за инженера агронома Игоря Леонидовича Сенкевича, моего друга детства, только что окончившего университет во Франции. В 1934 г. получила 1-ю премию на конкурсе Министерства Земледелия за афишу для выставки фруктов в Бендерах и тогда-же мне было поручено руководство декоративным оформлением этой выставки. Программа в школе была неинтересная, кроме рисования приходилось преподавать начертательную геометрию и чистописание. Все это было очень далеко от искусства.

В это время я увлеклась пастелью. У меня еще сохранилось несколько работ пастелью того периода, уцелевших от катастрофы 1940 года. В 1937 году я ездила на международную выставку в Париж и, возвратившись домой в 1938г. стала готовиться к индивидуальной выставке, исполняя в то же время небольшие декоративные заказы.

28-го июня 1940 года Бессарабия стала частью Советского Союза. В первые же дни советской власти я потеряла моего незабвенного отца, веру в справедливость, человечность, законы... Мой отец был арестован, в течении 9-и месяцев находился в бендерской тюрьме "под следствием" и - без суда и какой-либо вины, только исключительно за свою редкую популярность, - был приговорен "Тройкой НКВД" к 5-и годам лагерей смерти /на деле превратившихся в 15 лет/, где он и умер через 9 лет.

В отношении меня начались нескончаемые беззакония. В наш дом, в наше отсутствие, ворвались НКВДисты с семьями, а также начальник бендерского "ИЗО" Георгий Блажко и нас и кое-что из наших вещей, выбросили ночью во двор. Мы остались бы без крова, если бы мать моего мужа, д-р Л. С. Лучинская, хирург поликлиники "водников", не взяла нас к себе. Тогда многое пропало, в том числе и ценные документы.

В такой обстановке невозможно было и думать о творческой работе.

Весной 1941 года из Москвы в Бессарабию прибыл выдающийся советский художник А. А. Васильев с заданием взять на учет, объединить и организовать художников новоприсоединенных территорий и устроить в Кишиневе юбилейную выставку их творчества. Приехав в Бендеры, Васильев побывал у меня и, познанившись с моими работами, настоял на том, чтобы я приняла участие в предстоящей выставке. Я послала на нее 14 моих работ и А. А. Васильев по телефону сообщил мне, что им присуждена первая премия и поздравил меня с успехом. Он при этом также просил меня поставить цены на мои работы, т. к. закупочная комиссия намеревалась приобрести некоторые из них для кишиневского музея. Незадолго до этого, в Бендерах, на общем собрании художников А. А. Васильев распределил их всех на места в создаваемом им художественно-ремесленном кооперативе, и товарищи были удивлены тем, что обо мне Васильев не упомянул при этом вовсе. На это Васильев объявил: - "Не беспокойтесь о тов. Сенкевич, мы уже подумали о ней. Потому о ней не было речи, что здесь она работать не будет". А при выходе он подошел ко мне, окруженной недоумевающими коллегами, и пояснил: - "Пусть вас это не удивляет. Вы поедете в Москву и будете там преподавать декоративное искусство в Высшей Школе. Это уже решено". До этого я ничего не знала об этом решении, ни о чем не просила, и если так было решено, то без моего ведома и даже не спрашивая моего согласия. Сейчас у меня нет никаких доказательств этого разговора, а свидетелей его вероятно уже нет на свете. Затем, война опрокинула все, и с А. А. Васильевым я больше никогда не встречалась, а мои работы исчезли бесследно, вместе с кишиневским музеем эвакуированным в начале войны, в глубь страны, художником А. А. Васильевым.

В 1942 г. во время немецко-румынской оккупации Украины, мой муж, как энтомолог знающий русский язык, был назначен начальником лаборатории защиты растений в Одессе. Чтобы жить в Одессе надо было там работать. Поэтому я подала прошение и была назначена учительницей рисования в "Женскую Православную Гимназию".

Когда в 1944 г. румыны оставляли Бессарабию, разнузданная военщина с оружием в руках захватывала вагоны, идущие на запад, наполняя их награбленным добром, и солдаты каблуками и прикладами сбрасывали людей, пытавшихся хотя бы уцепиться за ступеньки. О спасении имущества не могло быть и речи, и в покидаемом родном доме были оставлены на произвол судьбы большая часть моих работ, и все, что было ценно и дорого как память.

До конца войны мы бедствовали в г. Драгашаны. Затем переехали в Бухарест. В 1946 году я стала членом Общества Румынских Художников и также синдиката (профсоюза). Работала в кооперативах "Партизанул", "Арта Ноуа" и "Мунка Артика". В кооперативах писались бесчисленные портреты "вождей". Среда и условия работы были в высшей степени тягостными: открыто враждебное отношение, ложные и бессмысленные доносы, бесстыдная коррупция, постоянные простои в работе. Бывало и так, что уже сданные мною под расписку работы исчезали, и мне за них не выплачивали. В "Объединении Румынских Художников" дело обстояло не лучше: там писали огромные, бездарные композиции на обязательные и надоевшие всем "социальные темы", которые художники между собой называли "плачинтами". Искусство было в полном упадке. Имели значение не художественные достоинства работы, а ее размеры и тематика. Оценка живописных произведений производилась на квадратные метры. Поэтому все старались сделать "плачинты" побольше, не заботясь о подлинном искусстве.

Товарищеских отношений не существовало. Царила невероятная грубость, зависть, недоброжелательство, подхалимство и шовинизм. Все это делало невозможным сближение с новыми бухарестскими коллегами, а прежних коллег, по

парижской Высшей Школе, за исключением Наталии Брагалия, работавшей в театре, у меня не было, - за что мне постоянно приходилось переносить злобные нападки. В вину ставилось и то, что я училась в Париже.

Условия существования в Румынии в послевоенный период были невообразимыми морально и физически. Из-за шпиономании свободно работать под открытым небом не разрешалось. Краски и живописные материалы отсутствовали. Купить кусок простого картона было абсолютно невозможно.

В начале 60-х годов мы приняли решение уехать на Запад, где у нас были близкие. Через 2½ года тягостного ожидания мы наконец получили, - не паспорта, а "разрешения на выезд"-и покинули Румынию в конце 1964-го года. Сперва мы остановились в Польше, где мой муж защитил докторскую диссертацию, затем через Париж прибыли в Нью-Йорк.

При выезде из Румынии, мне (только благодаря личному содействию знакомого нам с детства бендерца, министра Ал. Бырладяну), было разрешено взять с собой 50 моих работ. Остальные пришлось оставить в Бухаресте, и едва ли я когда-нибудь их найду.

Пробыв один год в Нью-Йорке, мы переехали в Канаду, во франкоязычную провинцию Квебек, где мой муж получил место профессора в колледже города Сэн-Жан. Я стала членом "Общества Профессиональных Художников Квебека" и выставляла мои работы в индивидуальных и коллективных выставках, пока не ослабело зрение. Операция в правом глазу была неудачной, а левый глаз пока еще не оперирован.

Потеря возможности заниматься искусством, которое с ранних лет было смыслом моей жизни, принесла мне много моральных переживаний. Думаю, что это понятно и без слов. Обосновавшись в Канаде, мы много и интересно путешествуем.

Недавно мне исполнилось 84 года. Я хотела бы оставить моей родине то, что еще сохранилось у меня от моего творчества.

Татьяна Булавицкая - Сенкевич

✓

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Участие в выставках:

В Париже в 1929, 1930, 1931, 1932 гг. участвовала в весенних публичных выставках лучших работ студентов "Национальной Высшей Школы Декоративных искусств".

1934 г., октябрь, в Румынии: получила 1-ю премию Министерства Земледелия на конкурсе афиш для выставки фруктов в г. Бендерах.

1941 г., июнь, в МССР: 1-я премия за работы, представленные в Кишиневский Музей для юбилейной выставки МССР в 1941г.

1968 г. в Канаде: участвовала в групповой выставке румынских художников в Библиотеке имени Маргерит Брүнэ в "Мануаре Нотр-Дам де Грас" в Монреале.

1970 г., январь: участвовала, по приглашению, в групповой художественной выставке "Квебекский Карнавал", в г. Квебек.

1970 г., июнь: участвовала в коллективной выставке "Общества Профессиональных Художников Квебека" в "Салоне де Метье д'Ар 70".

1971 г., октябрь: Индивидуальная выставка в зале Колледжа "СЭЖЭП" в г. Сэн-Жан-сюр-Ришелье.

1972 г., май: Монреаль, Индивидуальная выставка в "Центре Университетского коллектива" Монреальского Университета, переданная по 10-му каналу Монреальской телевизионной компании "Теле-Метрополь", 26 мая в 22 часа.

1973 г., март: участвовала в выставке артистов этнических групп Общества "Аккорд" в Монреале.

1974 г., май: участвовала в коллективной выставке "Летний Праздник" города Сэн-Жан-сюр-Ришелье.

1974 г., декабрь: Индивидуальная выставка декоративных работ в городской библиотеке г. Сэн-Жан/с.-Р.

1975 г., январь: Участвовала в коллективной выставке "Объединения Художников и Кустарей" в здании Муниципалитета города Сэн-Лук.

1975 г., май: участвовала в групповой выставке Общества "Жорж Енеску в Монреальском Университете.

1975 г., июнь: Мои работы были показаны в фильме "Фужер э руй", поставленном кинематографическим Управлением Канады.

1975 г., ноябрь: Участвовала в коллективной выставке "Объединения Художников и Кустарей" района Сэн-Жан, организованной фирмой "Лабатт" в г. Лассаль.

1976 г., январь: Участвовала в групповой выставке "Общества "Жорж Енеску" в залах Муниципалитета г. Оттава (столица Канады).

1977 г., май: Участвовала в перманентной выставке в "Выставочном Зале" галереи "Итон" в Монреале.

1980 г., апрель: Участвовала в аукционе картин, устроенном организацией "Международная Амнистия" в Монреале.

1980 г., май: Участвовала в выставке и конкурсе картин, по случаю "Дня Монреальского порта" в Монреале.

Как видно из сказанного выше, я принципиально избегала частных выставочных галерей, которые бессовестно эксплуатируют художников, несмотря на то, что крупные галереи Парижа и Нью-Йорка неоднократно приглашали меня выставлять у них мои работы. Я всегда предпочитала групповые выставки общественных организаций, которые гораздо интереснее, оживленнее и удобнее, чем пустынные выставки частных галерей, куда редко заходит публика.

Татьяна Булавицкая - Сенкевич.